

0279 Глава Фахай? Лодка с воронкой спустилась вниз по реке, и осенний дождь обрушился на нее без единого звука. На реке был туман, а огни города были смутно видны. Постепенно город исчез в тумане, больше не виден. Одно время Тан Цзисянь вел лодку в приток, выстроившись в линию с сельскохозяйственными угодьями и деревнями. Вдали от городской суеты, наступающий пейзаж приносит ощущение покоя.

Нинг Тао сидел в салоне, возился с часами Шепчуна, исследуя его новые возможности. Тем не менее, как бы он ни старался, Шептун, казалось, есть только одна функция, функция, которая возникла из облачной руды.

Сердце Нин Тао было немного подавлено, потратив так много денег, шепот, который был утончен, был эквивалентен собачьему языку переводчика, какой смысл в этой функции для него?

"Эти часы в твоей руке - те, что ты украл у Ян Лонга, верно?" Тан Цзисянь, который стоял на корме лодки, раскачивая весла, нарушил часовую тишину между ними.

Нинг Тао тоже не скрывал: "Это оно, но и не оно".

Тан Цзисянь нахмурился: "Я очень сомневаюсь, что в прошлой жизни ты был кислым ученым, можешь ли ты хорошо говорить?".

Нин Тао не принял это близко к сердцу и сказал слабо: "Батарея и чип Апокалипсиса Smart Watch оба неисправны, Бай Шенг имеет технологию заклинания в руке, как только он активирует эту технологию заклинания, часы будут улавливать сигнал, батарея будет высвобождать энергию, то он будет выпущен в виде волны энергии через чип боготворения, что волна энергии может превратить человека в марионетку, под его контролем".

"Откуда ты так хорошо знаешь?"

"Бай Шэн Мин знал, что я ограблю часы и не остановил меня, пока мы с тобой не встретились, он пытался контролировать меня через эти часы, он заставил меня убить двух моих друзей, а затем убить себя, что я и сделал". Нинг Тао сказал.

Тан Цзисянь посмотрел на Нин Тао странным взглядом: "Ты обманул его?"

Нин Тао кивнул: "Потом он попытался уничтожить часы, и я бросился разбить их до того, как они были уничтожены, а затем отремонтировал их. Так что, в некотором смысле, это уже не оригинальные часы".

Тан Цзисянь с удивлением последовал: "Ты все еще можешь починить часы"?

Нин Тао сказал: "Я врач, который может не только исцелять людей, но и восстанавливать заклинания. Если у вас есть нарушенные заклинания, которые вы не можете использовать, вы можете принести их ко мне, и я восстановлю их для вас". Вы также можете сказать своим друзьям в области выращивания, чтобы они пришли ко мне, если у них есть такая необходимость, и я буду культивировать волшебное оружие и должным образом собирать немного духовного материала в качестве оплаты".

Тан Цзисянь на мгновение подумал: "У меня в руке сломанное заклинание, я дам его тебе попробовать позже, но у меня нет никакого духовного материала, я дам тебе денег после того, как исправлю его, как насчет этого?".

Нин Тао прищурился на Тан Цзисянь: "Какое волшебное оружие, сколько его?".

Тан Цзисянь сказал: "Зонтик, я дам тебе сто тысяч, если ты сможешь его починить".

"Доллары?" Нинг Тао спрашивал.

"Конечно, это китайские монеты". Тан Цзисянь сказал.

Нин Тао закрыл глаза и накормил себя.

"Что значит "слишком мало"? Тон Тан Цзисяня имел оттенок неудовольствия.

Нин Тао продолжал культивировать свой ум, сто тысяч долларов он даже не потрудился выйти и починить его, не говоря уже о китайских монетах. Он ходил по такому большому кругу, первоначально желая сделать бизнес, чтобы заработать некоторый духовный материал для шептальщиков, чтобы обновить, но он не ожидал, что Тан Цзисянь будет таким скупым и мелочным. Я тебя вылечу! Он делает нечто большее, случайно хлопая двумя амулетами по груди какой-то плоскогрудой девушки!

"Хорошо, как насчет того, чтобы добавить еще пятьдесят тысяч?" Тон Тан Цзисяня немного смягчился.

"Тогда сколько времени осталось до прибытия храма Холодной реки?" Нинг Тао сказал.

Тан Цзисянь холодно ворчал: "Почти готово"!

Нин Тао продолжал закрывать глаза и питать себя.

Лодка с вороньими крыльями опять затихла, и гребная женщина и божественный врач в лодке больше ни слова не сказали.

Через минуту плащ причалил. За причалом находился густой лес, с шиферной дорожкой, протянувшейся в лес, настолько морозящий от дыма и дождя, что невозможно было увидеть, где находился храм Ханцзян.

Нин Тао вышла из лодки и последовала за Тан Цзисянь, когда она ступила на каменную дорожку и направилась вперед. Только тогда он понял, что каменные плиты под его ногами повсюду были отмечены следами людей и животных, некоторые из которых треснули, и из щелей выросли небольшие травы. Этой каменной дорожке, по крайней мере, тысяча лет, так сколько же лет Храму Ханцзян, который еще не был открыт?

Через некоторое время на глазах у Нинг Тао появился древний храм, небольшой храм, в котором был только один буддийский храм. Перед воротами храма стоят две древние сосны, ствол которых требует, чтобы два человека держались за руки, чтобы огородить их, а лесу, по крайней мере, тысяча лет. За воротами храма по обе стороны от буддийского храма находится по несколько отделений, а сзади - двор с травяной хижинкой. Травяная хижина была настолько своеобразной, что она была похожа на белый гриб, появляющийся из поля.

Чёрт!

Звон колокола внезапно раздался из зала Будды.

Тан Цзисянь сложила ладони и слегка склонила голову, ее выражение торжественно.

Однако Нинг Тао только сейчас услышав колокола, отреагировал желанием поклониться Богу, но мысль о поклонении Богу была мимолетной. Звук этого колокола несколько известен, но он далек от того, что он слышал, когда скандировал: "Я покоюсь в своем чреве и слышу звук Великого Пути". Однако из вежливости и маскировки он все же последовал жесту Тан Цзисяня и слегка склонил голову в знак уважения.

Послесвечение колокола было далеко, дверь храма была открыта, и из двери храма потекла тусклая свеча. На улице, посреди желтоватого света, старый монах вошел в поле зрения Нинг Тао. Старый монах был высоким и тонколицым, с прядью белой бороды на подбородке, даже брови были белыми и свисали по углам глаз. Он не знал, что он старый, но его лицо было без морщин, а кожа - розовая.

Тан Цзисянь с уважением сказал: "Мастер Факонг, я привел кое-кого с собой".

Глаза мастера Факонга с момента открытия двери упали на тело Нин Тао, никогда не покидал, что глаза, казалось, пронзили сердце Нин Тао.

Нин Тао сделал ещё один двойной жест в виде ладони и вежливо сказал: "Добрый день, мастер Факонг".

Когда он говорил, он тихо пробудил глаза к их телескопическому состоянию. У этого Воздушного Мастера Дхармы было очень сильное погодное поле и сильная аура, которая была освобождена из его тела. Если аура сильна, то аура сильна, и это культивирование Мастера Факонга даже выше, чем у Небесного Человека Танга!

То, что он увидел в этом Воздушном Мастере Дхармы, было не только мощным предшествующим погодным полем и аурой, но и белым простором хорошей ауры. Элементарная Вводная Техника Культивирования Третьего Класа, данная Добрым и Злым Триподом, дала ему эту способность видеть добрую ауру на хороших людях, находясь в состоянии взгляда. Однако в наши дни в них слишком мало людей с хорошей полосой.

Видя хорошую ауру на мастера Факонга, Нин Тао также расслабил свою охрану, больше не беспокоясь о том, что Тан Цзисянь ударит его в спину.

Фа Хунг открыл рот и сказал: "Мастер Нин, пожалуйста, заходите, бедный монах приготовил чай и воду, давайте выпьем и поболтаем".

Нин Тао проследовал за Мастером Факонгом в единственный буддийский храм, где была закреплена статуя богини Гуаньинь, с достойным видом и добрыми глазами.

Хотя Нин Тао не очень-то верил в это, он все же остановился и поклонился Гуаньинь Бодхисаттве, прежде чем последовать за мастером Факонгом в травяную хижину на заднем дворе.

Соломенная хижина была покрыта деревянной доской, на которую был положен бамбуковый коврик, на который был положен чайный столик, а рядом с чайным столиком стояли три футона. Рядом с чайным столиком стоял небольшой костер, а на дровах горел железный горшок, который пропаривался и издавал булькающий звук.

После того, как Нин Тао и Тан Цзисянь сидели, мастер Факонг взял железный горшок и сделал 3 чашки чая, улыбнулся и сказал: "Здесь нет хорошего чая, этот чай послал монах, бедный

монах одолжил цветы Будде, пожалуйста, монах Нин с чаем".

Нин Тао сделал неглубокий глоток из чайной чашки и не сказал ни хорошего, ни плохого, потому что в любом случае это покажется вульгарным, поэтому он просто улыбнулся, чтобы выразить свою благодарность.

Мастер Фа Кхонг также сделал глоток чая, положил свою чашку и сказал: "Мастер Нин, знаете ли вы, что мой монах попросил вас прийти сегодня вечером?".

Нинг Тао сказал: "Это насчет Белого Святого?"

Мастер Сокол сказал: "Этот демон Белого Мудреца сеял хаос на земле, только Небесный Путь наказывает". Мой монах посвятил себя практике буддизма и не совершает грехов. Белый Святой будет проклят, но бедный монах не будет сражаться".

Нин Тао на мгновение замер, путаница в сердце: "Что это было?"

Глаза мастера Сокола смотрели прямо в глаза Нин Тао, и его тон вдруг стал суровым: "Мой монах попросил вас прийти сегодня вечером, чтобы напомнить вам, что дао трудно возделывать, еще труднее исправить дао, и еще труднее возделывать дао Небесное". Ты прирожденный человек и предназначен для небес, так почему же ты влюбляешься в демонов?".

Нинг Тао замер на месте, тоже немного запутался.

Слушая этого Учителя Дхарма-пустоты, он, казалось, что-то увидел и, возможно, даже знал что-то, связанное с Небесной внешней клиникой. Но когда он говорит, что находится в компании демонов, он говорит о Цин Чжуй, Цзин Бае и Инь Мо Лане. При чем тут он?

Я знаю, что с вами два змеиных демона, один из которых - Бай Цзин, а другой - Цин Чжуй, обе приемные дочери Бай Шэна, которые много согрешили. Как ты можешь, культиватор Небесного Дао, тусоваться с двумя змеиными демонами? Они прервут твой путь и испортят твою природу, и если ты не отсечёшь эту греховную связь, то вступишь в состояние гибели".

Нин Тао пошевелил глазами, чтобы посмотреть на Тан Цзисянь.

Тан Цзисянь слабо сказал: "Не сомневайся, это я сказал мастеру Фа Эйру".

"Мастер Нинг, знаете ли вы эту горечь моего монаха?" Мастер Факонг уставился прямо на Нинг Тао.

"Подожди....." сказал Нин Тао, сдерживая грязное чувство, которое вспыхнуло в его сердце, и открыл рот: "Мастер Фа Эйр, вы просили меня приехать сюда, чтобы поговорить со мной об этом?"

"Амитабха". Мастер Фа Кхонг произнес буддийский призыв: "Мой долг - посоветовать вам вернуться на путь, который вы потеряли, и еще не поздно исправить свои ошибки".

Нин Тао внезапно засмеялся: "Мастер Сокол, это мое личное дело, я сам с ним разберусь". Кроме того, этот храм Холодной реки находится недалеко от официального города, что Белый Святой недалеко отсюда, что демон причиняет неприятности земле, и хозяин не принимает эту тысячелетнюю ядовитую змею, но вы приходите, чтобы убедить меня сбиться с пути, я думаю, что у меня хорошее предчувствие и я редко теряюсь, поэтому я не беспокою хозяина".

Тан Цзисянь холодно ворчал: "Нин Тао, какое у тебя отношение!"

Мастер Факонг поднял руку, и Тан Цзисянь снова молчал.

Нин Тао взглянул на то, как он пришел и в конце концов выпил свою чашку чая, но в душе уже размышлял о том, какой повод найти, чтобы уйти.

Мастер Сокол сказал слабо: "Мастер Нин, вы когда-нибудь слышали об этом человеке Сюй Сянь?"

Пуф!

Полный рот чая, который только что был у него во рту, выплеснулся из рта Нинг Тао.

Однако все капли воды были взвешены в пустоте.

<http://tl.rulate.ru/book/29303/859189>